

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОТИВ БУРЖУАЗНЫХ ТРАДИЦИЙ В ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ

(О книге проф. В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки»)

В 1946 г. в издании Ленинградского университета вышла в свет книга проф. В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки»¹. Автор книги поставил перед собой задачу определить истоки волшебной сказки. «...что значит конкретно исследовать сказку, с чего начать? — ставит вопрос В. Я. Пропп в предисловии к книге и дает следующий ответ: «Если мы ограничимся сопоставлением сказок друг с другом, мы останемся в рамках компаративизма. Мы хотим расширить рамки изучения и найти историческую базу, вызвавшую к жизни волшебную сказку». В. Я. Пропп справедливо указывает на несостоятельность изучения фольклора методом исторической школы, во главе со Всеволодом Миллером, на ограниченность так называемой финской школы и на то, что нужно «покинуть путь абстрактного теоретизирования и встать на путь конкретного исследования». «Для нас,— пишет В. Я. Пропп,— вопрос стоит принципиально иначе. Мы хотим исследовать, каким явлениям (а не событиям) исторического прошлого соответствует русская сказка и в какой степени оно ее действительно обуславливает и вызывает. Другими словами, наша цель — выяснить источники волшебной сказки в исторической действительности». «Все исследование сводится к тому, чтобы определять, при каком социальном строе создались отдельные мотивы и вся сказка».

Такова проблема, которую поставил в своей монографии проф. Пропп. Как видим, вопросы, которые пытается решить автор, исключительно интересны и важны. Советская фольклористика разрешила немало труднейших проблем, перед которыми в бессилии останавливались буржуазные ученые. Однако круг вопросов, связанных с изучением сказки, в особенности вопрос об ее генезисе, все еще продолжает оставаться «узким» местом в нашей науке. По сути дела здесь сделано чрезвычайно мало. Гениальные, основополагающие высказывания Горького о сказке, к сожалению, не нашли еще в советской фольклористике должного применения и развития. Поэтому вполне понятен и законен тот интерес, который вызывает появление первого советского капитального исследования о сказке.

Книга проф. Проппа претендует разрешить вопрос о генезисе сказки с марксистских позиций. Автор широко привлекает как фольклорные, так и этнографические материалы, причем не ограничивает себя только русскими источниками, но обильно использует и зарубежные. Обилие фактического материала, насыщающего книгу,— одно из достоинств этого труда. Автор не ограничивается фактографической стороной, но дает свои, довольно широкие обобщения. Сам В. Я. Пропп указывает, что в решении вопроса им избран путь «принципиально иной» по сравнению с предшествующими фольклористами. Все это усиливает интерес к книге. Нельзя не отметить также и то, что преобладающее число страниц книги написано живым языком.

Это — о достоинствах книги. К сожалению, на этом приходится поставить точку. Уже с первых страниц начинаешь испытывать всякого рода сомнения и, чем дальше читаешь,— тем больше. И это закономерно, ибо постепенно все яснее и яснее выступает концепция проф. Проппа, его «принципиально иной» путь исследования. Впрочем, если говорить об основных теоретических положениях проф. Проппа, то они наиболее отчетливо и концентрированно сформулированы в его статье «Специфика фольклора»².

¹ Проф. В. Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки, Изд. Ленингр. ун-та, Л., 1946, стр. 340.

² Труды Юбилейной научной сессии Ленингр. гос. ун-та, Серия филологич., Л., 1946.

Статья эта, ставящая интересные вопросы, как ни странно, не получила еще должной оценки в нашей печати. Между тем статья «Специфика фольклора» — ключ к пониманию «Исторических корней волшебной сказки». Поэтому мы считаем необходимым предварительно остановиться на основных положениях этой статьи.

Статья начинается с критики современной буржуазной фольклористики. В. Я. Пропп видит в буржуазной науке о фольклоре три основных недостатка: во-первых, буржуазная фольклористика изучает культуру только одного социального слоя — крестьянства; во-вторых, изучает ее, не разделяя духовную и материальную культуру, и, в-третьих, изучает один народ, обычно — тот, к которому принадлежит исследователь. Таким образом, буржуазная фольклористика критикуется здесь не за самые существенные ее пороки: идеализм, мистику, не за извращение и фальсификацию истинной картины общественных отношений, но критикуется по частным, второстепенным признакам. Как увидим в дальнейшем, это не случайно для проф. Проппа. В противовес буржуазным теориям проф. Пропп выдвигает положение: «под фольклором понимается творчество социальных низов (sic!) всех народов, на какой бы ступени они ни находились». Это якобы утверждает советская фольклористика. Так ли это на самом деле? Что понимать под термином «низ»? Ведь к «социальным низам» можно отнести воров, босаяков и прочие подонки общества. Разве нельзя к ним отнести и русских белоэмигрантов, и подобную им заваль, вышвырнутую из стран новой демократии? Конечно, можно. Но ведь утверждение, будто фольклор есть творчество социальных «низов», отнюдь не является достоинством советской фольклористики. Горький дал гениальное определение фольклора: «фольклор — это устное творчество трудового народа». Разница здесь, конечно, не терминологическая, а глубоко принципиальная. Трудовые массы, человеческий труд — вот источник всех богатств человека, в том числе и духовных. И Горький требовал, чтобы советские фольклористы исходили из трудовой деятельности масс, чтобы они рассматривали фольклор как отражение социальной жизни трудового народа, находили бы и четко оттеняли признаки материалистического мышления, которое неизбежно возбуждается процессами труда. Поэтому советская фольклористика отбрасывает выражение «социальные низы», поэтому мы вынуждены констатировать, что в своем определении фольклора проф. В. Я. Пропп совершает грубую ошибку. Это новое «сползание» с позиции советской фольклористики для него закономерно.

Следующим примечательным пунктом в статье «Специфика фольклора» является принцип разграничения литературы и фольклора. Если фольклор, как мы видели выше, является творчеством «социальных низов», то литература, по В. Я. Проппу, есть творчество «господствующих классов». Ненаучность и реакционность подобного вульгарно-социологического разделения литературы и фольклора давно уже разоблачены в советском литературоведении, почему мы не считаем нужным останавливаться на критике этого положения. Характернейшим признаком отличия литературы от фольклора В. Я. Пропп считает проблему авторства: в литературе автор есть, а в фольклоре его может и не быть. Более того, отметив, что «народное творчество не есть фикция, а существует как таковое», В. Я. Пропп добавляет, что в этом вопросе он солидаризуется с «нашими старыми учеными, как Ф. Буслаев и О. Миллер». Сделав таким образом еще шаг назад и возвращаясь к туманным романтико-идеалистическим представлениям мифологической школы о безликом народном творчестве, В. Я. Пропп делает далее следующий вывод: «Генетически фольклор должен быть связан не с литературой, а с языком, который тоже никем не выдуман и не имеет ни автора, ни авторов». Здесь мы вплотную подходим к самому важному пункту, замыкающему цепь рассуждений В. Я. Проппа. То, о чем мы говорили ранее, является теоретической подготовкой к этому аккорду. «Легко впасть в ошибку, — пишет В. Я. Пропп, — полагая, будто фольклор непосредственно отражает социальные или бытовые, или иные отношения. Фольклор, в особенности на ранних ступенях его развития, — не бытописание. Дело чрезвычайно усложняется и затрудняется тем, что действительность передается не прямо, а сквозь призму известного мышления, и это мышление настолько отлично от нашего, что многие явления фольклора бывает очень трудно сопоставить с чем бы то ни было. Первобытный человек видит мир вещей иначе, чем мы. И на разных ступенях развития он видит его по-разному. Поэтому мы иногда тщетно за фольклорной реальностью будем искать реальность бытовую. В фольклоре поступают так, а не иначе, не потому, что так было в действительности, а потому, что это так представлялось по законам первобытного мышления».

Теперь поставлены, как говорится, все точки на i. Если Горький призывал видеть в фольклоре отражение чаяний и социальной мечты трудовых масс, отражение условной социальной действительности, то В. Я. Пропп утверждает совершенно противоположное: фольклор не является отражением социальной действительности. В. Я. Пропп опирается не на великого советского теоретика фольклора А. М. Горького, а на буржуазного ученого-идеалиста Леви-Брюля, слово в слово повторяя утверждения последнего. Идеалистическая теория Леви-Брюля, к сожалению, еще недостаточно раскритикованная советской наукой, как раз утверждала, что мы не можем понять социальной действительности первобытного общества, ибо мышление первобытного че-

ловека развивалось по совершенно отличному от нашего мышления законам. Леви-Брюль вкупе с другими буржуазными учеными-идеалистами пытался представить людей доклассового общества как мистиков. Он утверждал, что, чем дальше в глубь веков, тем более религиозен человек, доходя в этом до того, что даже у неандертальца выскивал мистицизм. Логически развивая до конца мысль Леви-Брюля, следовало бы считать человекоподобную обезьяну самым религиозным существом. Это о таких, как Леви-Брюль и иже с ним, писал Горький, указывая, что первобытные люди изображались ими «как философствующие идеалисты и мистики, творцы богов, искатели «смысла жизни». При этом Горький с убийственной иронией добавлял, что «крайне трудно представить двуногое животное, которое тратило все свои силы на борьбу за жизнь, *мыслящим отвлеченно от процессов труда, от вопросов рода и племени*. Трудно представить Иммануэля Канта в звериной шкуре и босого, размышляющим о «вещи в себе»³. А наш советский фольклорист сегодня продолжает развивать эти глубоко реакционные, лженаучные «теории» Леви-Брюля!

В полном согласии с Леви-Брюлем В. Я. Пропп разverteвывает и свои дальнейшие положения. Если фольклор не отражает социальных или бытовых отношений, то что же он тогда отражает? Оказывается, если верить В. Я. Проппу, фольклор отражает религиозные представления. «Фольклор,— пишет В. Я. Пропп — оказывается входящим в систему религиозно-обрядовой практики». И если в цитируемой статье это положение только намечено, то книга «Исторические корни волшебной сказки» в сущности посвящена развитию и обоснованию этого тезиса.

Нам могут возразить, указав, что религиозно-обрядовая практика действительно имеет большое значение и в доклассовом обществе и в более поздние эпохи, например в средневековье. Это так. Да мы и не собираемся оспаривать эти совершенно очевидные факты. Еще Энгельс отмечал, что во времена средневековья всякое общественное движение в условиях монополии церкви на духовную культуру неминуемо облекалось в религиозную форму. Но было бы совершенно ошибочным видеть лишь одну эту религиозную форму. Наоборот, марксисты обязаны за оболочкой всякого рода религиозных ересей видеть борьбу реальных классовых сил. В. Я. Пропп идет по совершенно противоположному пути — в фольклоре он ищет не отражения реальной действительности, а религиозных понятий. И в самих религиозных обрядах он не вскрывает отображения все той же реальной социальной действительности. В своей статье «Специфика фольклора» он не критикует буржуазных фольклористов за идеализм и мистику, ибо он сам еще, очевидно, разделяет их концепции. В своих исследованиях фольклора В. Я. Пропп идет не от труда, не от трудовых процессов, не от условий материальной жизни людей, а от религиозно-мистических представлений; определяет идеологию идеологией же. В связи с этим закономерно и то, что В. Я. Пропп в вопросе об авторстве в фольклоре, солидаризуясь с Ф. Буслаевым и О. Миллером, сближает фольклор не с литературой, а с языком, ибо он понимает язык так же идеалистически, как понимали его мифологи. Наконец, всецело подчинившись ложной концепции Леви-Брюля, В. Я. Пропп разverteвывает главное положение: фольклор не является отражением социальной действительности. Для того чтобы понять явления фольклора, надо изучить прелогическое мышление первобытного человека, якобы в корне отличное от современного мышления, а так как первобытное мышление, по Проппу и Леви-Брюлю, навсквозь религиозно, то, следовательно, в фольклоре нужно искать отражения религиозно-обрядовой практики. За ранними формами религии В. Я. Пропп не видит породивших их трудовых процессов. Он ставит точку на религии, как будто бы она является источником духовной культуры.

Все это представляет собой как бы теоретическое кредо В. Я. Проппа. Практическим применением этих рассуждений и является, как мы уже отметили, книга «Исторические корни волшебной сказки».

Правоммерно ли искать в волшебной сказке отдельные черты, восходящие к самым ранним эпохам истории человеческого общества? Бесспорно. И это одна из задач фольклористики. Совершенно очевиден тот факт, что со сказками мы встречаемся уже в эпоху доклассового общества, и если мы говорим о возникновении волшебной сказки вообще, то необходимо обратиться к первобытной эпохе. Но наши искания будут плодотворны только тогда, когда мы будем исходить из того, что является источником всей духовной культуры,— из трудовой деятельности людей. Этому учил Горький: «Под каждым взлетом древней фантазии легко открыть ее возбудителя, а этот возбудитель всегда — стремление людей облегчить свой труд. Совершенно ясно, что это стремление людей было внесено в жизнь людьми физического труда»⁴. Вместе с тем Горький предупреждал об ошибках ряда историков первобытной культуры. «Историками первобытной культуры,— писал он,— совершенно замалчивались вполне ясные признаки материалистического мышления, которое неизбежно возбуждалось процессами труда и всей суммой социальной жизни древних людей. Признаки эти дошли до нас в форме сказок и мифов, в которых мы слышим отзвуки работы над приручением животных, над открытием целебных трав, изобретением орудий

³ М. Горький, О литературе, М., 1935, стр. 365—366.

⁴ Там же, стр. 367.

труда»⁵. Горький требует рассматривать народное искусство как нечто цельное, проходящее через века и освобождающееся от явлений, противоречащих духу и характеру народа. Он требует рассматривать фольклор как художественные произведения, выражающие идеи, чувства, мысли трудового народа. В этом горьковском взгляде на фольклор осуществлен великий ленинский принцип партийности, обязательный для каждого ученого-марксиста, принцип, в корне противоположный буржуазному объективизму. Горький выделяет в фольклоре, подчеркиваем, ведущую тенденцию — творчество трудового народа, и предлагает, исходя из этого, рассматривать все явления фольклора. Тем самым он ориентирует нас на то, что в фольклоре является художественно и идейно наиболее ценным, имеющим не только прошлое, но и будущее, на то, что является для каждой новой эпохи неиссякаемым источником могучих творческих сил⁶.

Но так как исходная предпосылка В. Я. Проппа противоположна горьковской и требует искать в фольклоре, в данном случае в сказке, не непосредственное отражение социальной действительности, то все исследование у него и сводится к сопоставлению сказки с формами религиозно-обрядовой практики. Это тем более закономерно для В. Я. Проппа, что он ставит своей целью исследовать первоначальные истоки волшебной сказки. А так как В. Я. Пропп следует за Леви-Брюлем и другими буржуазными идеалистами и пытается представить первобытного человека идеалистом и мистиком, с мышлением, кардинально отличным от современного, то он в своей книге и сводит волшебную сказку почти полностью к религиозно-обрядовой практике людей доклассового общества вообще (конкретно же основным материалом для этого В. Я. Пропп использует, главным образом, этнографические материалы о верованиях и обрядах жителей островов Тихого Океана).

Методологически В. Я. Пропп выполняет эту задачу, заимствуя у А. Н. Веселовского (и даже точнее — у финской школы фольклористов, доведшей до абсурда формалистические экскурсы Веселовского) приемы оперирования абстрактными сюжетными схемами. Определяя жанр волшебной сказки, В. Я. Пропп пишет: «Здесь будет изучаться тот жанр сказок, который начинается с нанесения какого-либо ущерба или вреда (похищение, изгнание и др.) или с желания иметь что-либо (царь посылает сына за жар-птицей) и развивается через отправку героя из дома, встречу с дарителем, который дарит ему волшебное средство или помощника, при помощи которого предмет поисков находится. В дальнейшем сказка дает поединок с противником (важнейшая форма его — змеборство), возвращение и погоню. Часто эта композиция дает осложнение. Герой уже возвращается домой, братья сбрасывают его в пропасть. В дальнейшем он вновь прибывает, подвергается испытанию через трудные задачи и воцаряется и женится или в своем царстве, или в царстве своего тестя. Это — краткое схематическое изложение композиционного стержня, лежащего в основе очень многих и разнообразных сюжетов. Сказки, отражающие эту схему, будут здесь называться волшебными, и они-то и составляют предмет нашего исследования»⁷.

Эта длинная цитата требует некоторых пояснений. Прежде всего здесь мы узнаем, что В. Пропп задается целью изучать не все волшебные сказки, а только те из них, которые соответствуют этой схеме. Поэтому было бы точнее назвать книгу: «Исторические корни некоторых волшебных сказок». Но не это существенно. Главное состоит в том, что за основу берется абстрактная сюжетная схема, т. е. уже с самого начала все исследование приобретает откровенно-формалистический характер. Кстати сказать, это одно из уязвимых мест большинства работ В. Проппа. Именно за формализм справедливо критиковалась его первая книга «Морфология сказки». И в уже цитированной нами статье «Специфика фольклора» на первый план в качестве первоочередной, «важнейшей», по словам В. Я. Проппа, задачи выдвинуто «изучение композиции, строя», т. е. опять-таки формальная задача. И только в конце, что называется «на запятках» статьи, указывается как одна из задач (видимо, отнюдь не важнейшая) раскрытие в фольклоре идейного содержания⁸. Это здесь никак не простая композиционная «неувязка». В. Пропп упорно и настойчиво формальную сторону выдвигает на первый план, пренебрегая идейным содержанием. И в рассматриваемой нами книге философия сказки, ее идейное наполнение по сути дела поэтому остаются за бортом исследования.

Взяв за основу сюжетную схему волшебной сказки, В. Пропп сопоставляет ее со схемой обряда инициации, находит тут некоторое соответствие (а при отвлеченном абстрагировании такие соответствия найти не трудно) и приходит к выводу, что в основе волшебной сказки лежит обряд инициации. Но свести волшебную сказку толь-

⁵ М. Горький, О литературе, М., 1935, стр. 366.

⁶ Об этом достаточно ясно, хотя и кратко, сказано в статье Е. Гиппиуса и В. Чичерова «Советская фольклористика за 30 лет», «Сов. этнография», 1947, № 4.

⁷ В. Пропп, Исторические корни волшебной сказки, стр. 7.

⁸ Кстати, в этой же статье по поводу идейного содержания фольклора высказываются довольно странные утверждения, вроде следующего: «Идейно-эмоциональное содержание русского фольклора вкратце может быть сведено не к понятию добра, а к категории силы духа».

ко к одному обряду было бы непосильной задачей даже для В. Проппа. И наш автор несколько расширяет основу сказки и включает в нее другой цикл — цикл представленный о похоронах. Вот эти два цикла — обряд инициации и представления о смерти — и являются основой, почти полностью определяющей волшебную сказку. И все исследование сводится в сущности к объяснению почти всех элементов волшебной сказки обрядом инициации и представлениями древних людей о загробном мире. Не говоря уже о совершенно очевидной порочности замысла — свести сказку к одному или двум обрядам первобытной религии (ибо выводить искусство из религии значит повторять зады буржуазных ученых-идеалистов), необходимо сказать о недопустимости и самого метода, применяемого проф. В. Я. Проппом. Метод этот насквозь антиисторичен. Материалы об обряде инициации В. Я. Пропп берет (причем, берет без разбора, некритично) у буржуазных исследователей, наблюдавших его, например, в Океании, применяет же он эти наблюдения для объяснения русской сказки. Нет нужды здесь подробно останавливаться на доказательстве ненаучности такого метода. Ведь даже, например, у двух африканских племен бушменов и бечуанов обряды инициации проводятся по-разному. Какие же у исследователя основания для того, чтобы беспартийно утверждать будто русская сказка есть рассказ об обряде инициации у австралийцев или полинезийцев? Или, быть может, тут подразумевается влияние? Но кого же — австралийцев на славян или наоборот?!

Вопиющий антиисторизм, схематизм, очевиднейшая недопустимость подобного рода сопоставлений — все это настолько разительно и так бьет в глаза, что только диву даешься, как эти «открытия» проф. В. Я. Пропп мог всерьез преподнести своим читателям. Однако это закономерно; так получилось прежде всего потому, что проф. В. Я. Пропп в своих исследованиях идет по отнюдь не оригинальному пути, он рабски следует за антинаучными домыслами буржуазных ученых вроде Сентива, Ганса Сюитца и других. Говоря словами самого В. Проппа, «исследователь выдвигает одну сторону в ущерб другим», причем «выдвигает» так, что действительное соотношение поставлено наголово. И несмотря на несомненные комбинаторские способности автора, объективно получается, что он втискивает все многообразие и всю прелесть народной волшебной сказки в прокрустово ложе надуманной концепции. Вот несколько примеров. Говоря о слепоте яги, В. Пропп считает это отражением обряда инициации. Он ссылается на Неверманна, который, описывая обряд инициации в Океании, сообщал: «после нескольких дней отдыха неопиты покрываются известковой кашей, так что они выглядят совершенно белыми и не могут раскрыть глаз». Пропп делает вывод, что «временная слепота также есть знак ухода в область смерти». Уже само толкование этой обрядовой детали сомнительно и тенденциозно. Однако — как же эту слепоту связать с образом яги? В. Пропп создает довольно замысловатую конструкцию: «с новым социальным строем старые жестокие обряды ощущаются как ненужные и проклятые, острее обращается против их исполнителей». Но при чем же здесь слепота яги? Очевидно, ягу надо считать исполнительницей обряда. Однако несколькими страницами ранее В. Пропп утверждает, что яга — это мертвец. Натяжка и искусственность построения здесь ясно дают себя знать. Эта искусственность еще больше выступает, когда слепоту или какой-либо дефект зрения героев сказки В. Пропп тоже пытается объяснить обрядом инициации. Он хочет слепоту Самсона и Гомера поставить в этот же ряд. Бедный Гомер!

Впрочем, интерпретация слепоты героев сказки заслуживает большего внимания. Приведа из сказки Афанасьева (№ 171) слова героя, сказанные им в избушке яги: «Дай-ка мне наперед воды глаза промыть, напои меня, накорми, да тогда и спрашивай», В. Я. Пропп решительно отвергает реалистическое толкование этой фразы, а усматривает здесь отзвук обряда инициации. В качестве аргумента приводится следующее: в зулусской сказке девушка, вернувшаяся после посвящения, говорит: «я ничего не вижу». Объяснение, конечно, неудовлетворительное и формалистическое. В русской сказке отразилась национальная бытовая черта («дай воды глаза промыть») — войдя в избу, герой требует соблюдения русского обычая гостеприимства. Зулусская же сказка говорит совсем о другом. И объяснять русскую сказку зулусской неуместно. Впрочем, толкования подобного рода у В. Проппа не единичны: они являются следствием его ошибочных предпосылок. Несколько ранее, в разделе «Напоила-накормила» он опять, приводя ряд черт, отражающих традицию русского гостеприимства, сближает их на этот раз с ритуальной обрядностью, зафиксированной в египетской Книге Мертвых. На этом стоит остановиться подробнее. В статье «Специфика фольклора» В. Пропп писал: «Явление всемирного сходства не представляет для нас проблемы. Для нас было бы необъяснимо отсутствие такого сходства». Конечно, правомерно говорить об общих ступенях развития человечества, обязательных для всех народов, но нельзя при этом забывать о национальном своеобразии и неповторимом отличии истории отдельных народов. Между тем В. Пропп, найдя какую-нибудь деталь в обрядах инициации Океании или взяв мотив из американской или индийской сказки, старается найти им соответствия в русской сказке и, что особо следует отметить, пытается объяснить ими русскую сказку.

На Таити и на Тонга бытуют поверья о птицах, уносящих душу умерших в город мертвых. И вот, когда в русской сказке (Афанасьев, № 71) герой, чтобы взобраться на гору, одевает на руки и на ноги железные когти, В. Я. Пропп тотчас же делает вывод: «Птичьи (? — М. К., И. Д.) когти вскрывают связь и этого мотива с образом птицы». В другой русской сказке (Афанасьев № 104 с) старик предупреждает героя: «Есть на пути три реки широкие, на тех трех реках три перевоза: на первом перевозе отсекут тебе правую руку, на втором — левую ногу и на третьем — голову». В. Я. Пропп производит этого русского старика от древнегреческого Харона и заключает: «Если откинуть утроение, то мы имеем здесь представление об отрубании руки при перевозе... Отрубание руки мы уже встретили как типичный элемент при посвящении. Этим отрубанием лодочник выдает себя за лодочника смерти». То-есть объективно получается, что почти каждый раз русская сказка объясняется В. Я. Проппом иноземными мифами и сказками, а не конкретно-исторической русской действительностью в первую очередь. Впрочем, видимо, чувствуя шаблонность подобного рода построений, В. Я. Пропп пытается спасти дело различными оговорками. «Это не значит, что Египет есть родина русской сказки», — восклицает он. Чтобы показать, что эти слова В. Я. Проппа являются не чем иным, как ничего не значащей оговоркой, рассмотрим трактовку автором образа сказочного змея.

Разобрав греческую легенду о гидре или Лернейской змее, В. Я. Пропп резюмирует: «Лернейский змей есть частный случай мирового образа водяного змея» (разрядка наша. — М. К., И. Д.). И дальше: «Таким же частным случаем является и сказочный «змей черноморский», «водяной царь», за которым «вода хлынула на три аршина» (т. е. здесь речь идет прямо о русских сказках). Позвольте, что же это за «мировой» образ змея? Где, кроме фантазии В. Я. Проппа, он существовал в действительности? До сих пор было известно, что есть сказочный змей русского фольклора, сказочный дракон монгольского фольклора, гидра древнегреческого фольклора и т. д. Но нет и никогда не существовало змея вообще, «мирового» змея! Это схоластическая и ненужная выдумка, бесплодная и пустая абстракция, пользы от которой мы не видим, а вред очевиден. Вместо того, чтобы раскрыть связь фольклора с конкретно-исторической действительностью, его породившей, чтобы изучить национальные особенности и национальные отличия, В. Я. Пропп подгоняет под выдуманный им «мировой образ» многообразие народного творчества. К «мировому образу» змея у него относятся не только собственно змеи, но и угорь, форель и даже мамонт. И русская сказка В. Я. Проппом объясняется, в конечном итоге, этим «мировым образом», сконструированным на материале того же Египта, Индии, Океании и т. д. Таким образом, оговорки В. Я. Проппа не спасают дела — корни русской сказки выводятся им из иноземных образцов. Надо со всей прямотой сказать, что подобное пренебрежение национальными отличиями, бесцеремонное третирование национальной оригинальности фольклора не имеет ничего общего с марксизмом, а носит вполне определенное название — буржуазный космополитизм. И В. Я. Пропп действует настойчиво и упорно именно в духе последнего.

Космополитизм сегодня — это идеология наиболее воинствующих реакционных американских и западноевропейских империалистов, направленная к ликвидации национального суверенитета и национальных культур народов. Книга проф. В. Я. Проппа по сути дела объективно выражает некоторые тенденции современной буржуазной фольклористики. Она проводит ложную антипатриотическую идейку о полнейшей обусловленности русской сказки иноземными образцами. Страницы книги буквально пестрят бесконечными ссылками на мнимые авторитеты буржуазных фольклористов и этнографов, зачастую архиреакционного толка. В этой же связи стоит и нарочитое игнорирование В. Я. Проппом фольклора братских славянских народов — польского, болгарского, чешского, словацкого, сербского, черногорского и др. А ведь сопоставление фольклорных и этнографических материалов славянских народов имеет, конечно, неизмеримо большее значение, чем то, что делает В. Я. Пропп. Наконец, этой же ложной исходной установкой В. Я. Проппа объясняется и то, что, опираясь в своем труде на буржуазных ученых, он почти не обращается к трудам советских фольклористов и этнографов. Да это и не мыслимо — метод В. Я. Проппа в корне противоположен методу советской науки, и поэтому он вынужден искать себе союзников из буржуазного лагеря.

Нелепости, к которым приводит автора книги «Исторические корни волшебной сказки» его ложная концепция, — поистине удивительны. Так, сказочный рассказ о царице с сыном, посаженных в бочку, оказывается не чем иным, как отражением ритуального проглатывания посвящаемых каким-то мифическим чудовищем. Если сказочный герой получает в борьбе какое-либо телесное повреждение, то это обязательно-таки обряду инициации. Даже Орест, в припадке безумия откусивший себе палец, поставлен В. Проппом в ту же связь! Такая заурядная деталь, как появление в сказке плешивого персонажа, восходит опять все к тому же «неисчерпаемому источнику» — все к тому же пресловутому обряду инициации. Не посчастливилось и бедняге пророку Елисею из «Книги царств». Даже и его плешь в той же связи привлекла внимание неугомонного исследователя и была взята им под сомнение...

Пересказав микронезийский миф о мальчике — сыне угря, миф с отчетливо выраженной, трезво реалистической мотивировкой каждого поступка героя, В. Пропп

делает такой вывод: «Этот случай показывает явные признаки упадка. Поглощение здесь удвоено без всякой надобности, черепашьи спинки лишены волшебной силы. Женитьба не увязана с предшествующим поглощением и возвращением: в обряде оно условие женитьбы» (разрядка наша.— М. К., И. Д.). В чем же В. Пропп усматривает упадок? Как мы указали, каждый поступок героя убедительно и логично обусловлен. Но все дело в том, что этот миф не укладывается в схему обряда инициации, а В. Пропп и помыслить не может, что миф возникает независимо от этого обряда. Объективно получается, что перед нашим исследователем всегда стоит искусственно созданная схема выведенной из обряда некоей сказки, с которой он и сопоставляет реально существующие сказки. В итоге — заколдованный идеалистический круг: идеология определяется идеологией же.

Мы не будем более приводить подобных примеров натяжек и надуманных сопоставлений, ибо в противном случае нам пришлось бы подробно останавливаться чуть ли не на каждом параграфе книги (а их там более двухсот). Но мы должны обратить еще особое внимание на общий тон, на ту гипертрофию заупокойных, похоронных мотивов, которые господствуют в книге. Перефразируя известное сказочное выражение, можно сказать: «здесь мертвый дух, здесь смертью пахнет»... Спору нет, представления о смерти играли значительную, но отнюдь не доминирующую роль в мышлении первобытных людей, причем именно буржуазными идеалистами эти представления о смерти всячески раздувались и преувеличивались. Никак не к лицу советскому ученому плестись тут на поводу у буржуазной науки. Но В. Пропп в своей книге, от первой страницы до последней, стремится убедить нас, что именно представления о смерти имели огромное, первостепенное значение и явились основой волшебных сказок. В. Пропп склонен видеть представление о смерти буквально во всем: тридесятое царство — царство смерти, белый цвет — цвет смерти, белая масть коня — качество, связанное с потусторонним миром, отправление героя в волшебную страну — это путешествие на тот свет, различные волшебные помощники героев — выходцы с того света, еда для сказочных героев — это ритуальная еда мертвых, и т. д. И здесь В. Пропп занимает позицию, противоположную Горькому. Горький писал: «Очень важно отметить, что фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно, рабский труд их был бессмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственны сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами»⁹ Ошибочная трактовка В. Проппом происхождения волшебной сказки и здесь обусловлена тем, что он следует лженаучным теориям буржуазных ученых, в первую очередь так наз. антропологической школы (в этнографии она известна как эволюционно-психологическая школа) и их современных эпигонов.

Стоит ли останавливаться на совершенно неправильной схеме происхождения сказки, которую выдвигает В. Пропп: обряд — миф — сказка. Ведь даже сам он вынужден признать, что сказка существует одновременно с мифом и обрядом. Подобного рода схемы справедливо раскритикованы и отвергнуты современной наукой. Проф. Пропп воскрешает эти отжившие взгляды, столь характерные для буржуазных фольклористов.

Нам хочется задать В. Проппу элементарнейший вопрос: считает ли он волшебную сказку художественным произведением? Является ли сказка этапом в становлении эстетического сознания народа? Как ни странно, но ответа на этот вопрос мы не могли найти ни на одной странице книги В. Проппа. Мы видим ее автора в качестве то историка, то этнографа (правда, всякий раз в качестве незадачливого этнографа или историка). К большому сожалению, мы ни разу не встретили его в роли исследователя народного искусства, народной поэзии! А ведь одна из больших задач фольклористов — исследование истоков человеческого искусства. Они обязаны разрешить важнейшую проблему: почему человек начал создавать произведения искусства, как он их создавал, для чего создавал, и чем искусство служило народу на разных этапах его развития?

Искусство, с самых первых, с самых ранних его этапов, помогло трудовым массам в их борьбе с силами природы, а позднее и с реакционными общественными силами. В известном сравнении пчелы с архитектором Маркс дал гениальное определение отличия человеческого гения от самых искусных представителей животного мира. Уже на самой заре своего развития человек начинал подниматься над окружающей его действительностью, стремился заглянуть в будущее. Добившись первых, пусть еще пока незначительных успехов в труде, едва начав подчинять себе природу, он уже начинал дерзко мечтать о грядущем покорении всех могучих сил природы. Искусство и было тем, если можно так выразиться, мостом, который соединял его мечты и идеалы с действительностью. То, что еще нельзя было воплотить в материальную действительность, дремлей человек воплощал пока лишь в слове, в творениях искусства. Подлинное искусство всегда устремлено в будущее. Поэтому жизненно лишь то искусство, которое порождено тем, что является движущей, про-

⁹ М. Горький, О литературе, М., 1935, стр. 371.

грессивной силой всего человечества, — трудовой деятельностью людей, трудовыми массами. И народное творчество уже с первых этапов человеческой истории дало нам неувядаемые, вдохновенные высокохудожественные образцы искусства. Русская народная сказка, полная неотразимого обаяния, — тому блестящий пример. Задача каждого советского фольклориста: раскрыть перед нами всю красоту, все богатство неисчерпаемой сокровищницы народного творчества. А книга проф. Проппа не оставляет камня на камне от всех эстетических и этических — ибо народное искусство неотрывно от этики — богатств русской волшебной сказки. На долю волшебной и пленительной фантазии народа-художника, на долю творческого гения трудовых масс В. Пропп не оставляет ничего. Вся чарующая прелесть русских сказок, заслуженно получивших мировую известность, — все их богатство низведено, обесцвечено, развенчано. Автор книги уныло и докучно твердит одно и то же: нет ничего, кроме обряда инициации и представлений о похоронах. Лишь один раз, на предпоследней странице исследования, в порядке самокритики он стыдливо обмолвился: «мы не учли возможности художественной традиции с самого начала». Против этого ничего не скажешь. Но еще откровеннее было бы к этому добавить: «мы намеренно игнорировали эту художественную традицию. Впрочем, после этой оговорки В. Я. Пропп заявляет, что у первобытных народов отсутствуют сказки как вид художественного творчества. И, словно испугавшись всей несостоятельности подобного заявления, В. Я. Пропп спешит спрятаться за укрытие: возможно, говорит он, что фольклористы со мной не согласятся, зато этнографы меня поддержат. Напрасные надежды. Никакой поддержки от советских этнографов книга В. Я. Проппа не получит — в их среде она находит столь же суровое осуждение как и в среде фольклористов. Как раз со стороны этнографической книга эта еще более неудовлетворительна (если это возможно!), чем со стороны фольклористической. Не говоря уже о многочисленных проявлениях самого вульгарного диллетантизма (в толкованиях обряда инициации, тотемизма и т. п.), книга В. Я. Проппа враждебна методологии советской этнографии по главному своему направлению. Антиисторические, вне времени и пространства, сопоставления обрядов одних народов, стоящих на одной ступени развития, с фольклором и мифологией других народов, находящихся не только на совсем иной ступени исторического развития, но и развивавшихся в совершенно иных, неповторимых условиях, — все это абсолютно противоречит принципам советской этнографии. И реакционное утверждение (вопреки неопровержимым фактам) об отсутствии у первобытных народов художественного творчества — за этим скрывается старая идеалистическая басня о религии как источнике всей духовной культуры — встречает со стороны советских этнографов самый решительный отпор. Нет, напрасно надеется В. Я. Пропп на снисходительность советских этнографов к его идеалистическим и метафизическим упражнениям.

Автор книги довольно часто употребляет такие выражения, как «общественный строй», «реальная действительность», «историзм», «капиталистический способ производства», «экономические основы», «метод марксизма-ленинизма» и т. д. В этой связи характерно звучание подзаголовков в методологическом введении в книгу, напр.: «Сказка как явление надстроечного характера»; «Сказка и первобытное мышление», «Генетика и история»; «Сказка и социальные институты прошлого» и др. В. Я. Пропп нередко ссылается на труды классиков марксизма. Но все это не спасает рассматриваемое исследование от антиисторизма и методологической порочности при разрешении основных вопросов. Из цитации работ классиков марксизма-ленинизма отнюдь не явствует, что В. Я. Пропп стоит действительно на марксистских позициях. Хуже того: подобного рода ссылки преследуют на наш взгляд одну цель — пригладить и замаскировать выпирающую идеалистическую концепцию автора книги.

Считаем своим долгом особо остановиться на том недопустимом обращении с высказываниями классиков марксизма-ленинизма, которое имеет место в книге проф. В. Я. Проппа. Приведя бесспорно правильные мысли из трудов Маркса, Энгельса и Ленина, В. Я. Пропп дает им свое произвольное и иногда совершенно неправильное толкование. Он безуспешно пытается подкрепить марксистскими положениями свою порочную методологию.

Ограниченные размером статьи, мы приведем лишь один пример, но наиболее характерный и разительный на наш взгляд. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» так говорит о сущности религии:

«Каждая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, отражением, в котором земные силы принимают форму сверхъестественных. В начале истории этому отражению подвергаются, прежде всего, силы природы; в ходе развития у различных народов появляются самые разнообразные и острые их олицетворения. Этот первоначальный процесс прослежен при помощи сравнительной мифологии — по крайней мере по отношению к индоевропейским народам — до проявления его в индийских ведах, а также обнаружен, в частности, у индусов, персов, греков, римлян, германцев и, поскольку хватает материала, у кельтов, литовцев и славян. Но скоро, наряду с силами природы, выступают также и общественные силы, — силы, которые противопоставят человеку и господствуют над ним, оставаясь для него вначале такими же непонятными, чуждыми и обладающими видимой естественной необходимостью, как и силы природы.

Фантастические образы, в которых сначала отражались только таинственные силы природы, теперь приобретают общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил¹⁰ (разрядка наша.— М. К., И. Д.).

В. Я. Пропп приводит (на стр. 11—12) это высказывание Энгельса крайне небрежно, разорвав одну фразу на ее середине, опустив ее окончание и делая пропуск другой целой фразы, при этом никак не оговорив ни то, ни другое, а несколько ниже позволяя себе грубо ошибочную интерпретацию этого положения. Так, он пишет: «Энгельс устанавливает, что религия есть отражение (?) сил природы и общественных сил. Отражение это может быть двояким: оно может быть познавательным (?) и выливаться в догматах или учениях, оно манифестируется в способах объяснения мира, или оно может быть волевым (?) и выливаться в актах или действиях, имеющих целью воздействовать на природу и подчинить (?) ее себе. Такие действия мы будем называть обрядами и обычаями» (вопросы наши.— М. К., И. Д.).

Из сопоставления двух приведенных выше отрывков отчетливо видно, что характер интерпретации В. Я. Проппом высказывания Энгельса не имеет ничего общего ни с положениями Энгельса, ни вообще с марксизмом. Разве можно ограничиваться одним абстрактным определением религии, как простого отражения сил природы и общественных сил, не видя в ней в первую очередь превратно фантастическое, искаженное отражение этих сил. Да ведь под словами «религия есть отражение сил природы и общественных сил» подпишется и папа римский, разумея бога как верховную силу природы и всего сущего! О науке мы говорим, что она отражает материальные и духовные закономерности в развитии сил природы и общества, но мы не можем этого сказать о религии, превращающей земные силы в сверхъестественные. Если же исходить из формулировки В. Я. Проппа, то исчезает принципиальная разница между наукой и религией. Нельзя так, как это делает В. Я. Пропп, говорить о познавательном значении религии. Слепой страх и бессилие человека перед внешними силами находят свое выражение лишь в кажущемся, иллюзорном воздействии человека на природу, проявляющемся в магии, в обрядах и обычаях.

Короче говоря, в приведенном выше определении В. Я. Проппом религии имеют место следующие грубые ошибки. Во-первых, опущено основное различие между религией и наукой; во-вторых, неправильно безоговорочное утверждение о познавательном значении религии; в-третьих, иллюзорность воздействия человека на внешнюю природу не показана с главной — объективной стороны и потому уравнива в правах с трудовым воздействием человека на природу. И самое главное — грубоошибочные, собственные пропповские домыслы в книге выдаются за мысли Ф. Энгельса!

Всякому ясно, что подобные рассуждения В. Я. Проппа не имеют ничего общего с марксизмом. Но зачем они ему понадобились? Видимо для того, чтобы свести все широкое многообразие социальной действительности, в которой создана сказка, к одному — к обряду, в конечном счете — к религии. А на этом, как уже известно, покоится вся его концепция, уходящая корнями к буржуазному литературоведению, утверждающая, что фольклор возникает не из всего круга явлений общественной практики, не из трудовых процессов прежде всего, а главным образом и почти единственно — из обряда. После всего этого не столь удивительным выглядит и то, что советский фольклорист проф. В. Я. Пропп игнорирует ценнейшие высказывания о происхождении фольклора, изложенные в целом ряде работ М. Горького (в книге ни разу не упомянуто имя Горького). Таким образом, ни марксистская терминология, ни ссылка на труды Маркса, Энгельса, Ленина не могут скрыть, повторяем, тот антиисторизм и методологическую порочность, на которых построена вся книга В. Я. Проппа.

При тщательных поисках можно обнаружить в книге отдельные наблюдения, представляющие некоторый научный интерес. Например, на наш взгляд заслуживает внимания то место в книге В. Я. Проппа, где он говорит о сказочной стране изобилия. Исследователь пытается связать сказочные образы с общественными представлениями и идеалами трудовых масс. Он находит в некоторых сказках отражение идеалов охотничьих племен (в волшебной стране имеются стрелы, не дающие промаха и т. д.), в других сказках — идеалов земледельческих народов. Для более позднего периода, когда труд становится подневольным, в представлении о волшебной стране изобилия преобладает мотив потребления, а не производства. В. Я. Пропп делает не безынтересное наблюдение, что трудовые массы — создатели сказок — видят в подобных представлениях опасность отказа от трудовых усилий и потому зачастую рассказ о молочных реках и кисельных берегах носит иронический характер, в нем высмеивают лентяев и т. д. Тут же В. Я. Пропп отмечает, что подобные представления о стране изобилия, где не нужно трудиться, используют жрецы в своих реакционных целях. Когда читаешь эти страницы в книге В. Я. Проппа, то невольно кажется, что исследователь спустился со своих заблужденных мистических высот на землю, делает попытку действительно раскрыть философию сказки и ее социальное наполнение. Но это только кажется. Это и подобные ему крайне малочисленные в книге места являются, по сути, отписками, идущими вразрез с основным направлением книги. Отдельные кусочки здравых наблюдений теряются и тонут

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 322.

в тумане идеалистических абстракций. Поэтому мы намеренно обратили внимание на основные теоретические пороки книги, которые являются определяющими в оценке исследования, и сознательно отказались от мало благодарной задачи скрупулезного выделения отдельных здравых мыслей в разбираемой работе.

Книга В. Проппа выглядит не как советская, а как иностранная книга. И если задаться вопросом, каковы ее идейные истоки, то мы получим ясный и недвусмысленный ответ — глетворное влияние упадочной науки буржуазного Запада. В работе отчетливо выступает эклектичное смешение положений финской школы буржуазной фольклористики с теориями французской идеалистической школы — Леви-Брюля, Дюргейма, Сентива и других. Все это соединяется с вульгарным механистическим, антигисторическим социологизированием. И те похвальные намерения, которые прокламировал проф. В. Я. Пропп в своем предисловии к книге, оказались невыполненными. Фольклор в книге В. Я. Проппа потерял свое общественное и национальное значение. Фактически получилось, что книга В. Я. Проппа есть попытка сокрушения и развенчания русской волшебной сказки.

Неудача исследования В. Проппа очень поучительна. Прежде всего она наглядно показывает невозможность успешного решения вопросов, когда исследователь исходит из заведомо порочных теоретических основ. Но одновременно эта неудача говорит и о другом, может быть, не менее важном. Книга несет на себе марку Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Проф. В. Я. Пропп в предисловии к книге ссылается на теоретическую поддержку ряда ленинградских ученых. Спрашивается, почему же никто из филологов ленинградского университета, никто из ленинградских фольклористов, наконец, никто из ленинградских этнографов не выступил до сих пор с серьезной, принципиальной, большевистской партийной критикой этого труда? Казалось бы кому-кому, а ленинградским ученым следовало бы в первую очередь выступить с критикой работ своего коллеги, ибо В. Я. Пропп на протяжении более чем двух десятилетий упорно и настойчиво проводит свои явно ошибочные взгляды. Своевременная принципиальная критика несомненно помогла бы исследователю избежать серьезных ошибок. Объективно же получилось так, что ленинградские филологи стали на путь замазывания, замалчивания ошибок В. Я. Проппа, что привело к плачевным результатам. Такая же «критика», какая, например, дана в статье В. М. Жирмунского («Советская книга», 1947, № 5), не только не помогает, а, пожалуй, может вредить исследователю, так как не вскрывает основных пороков его работы.

Советская наука — самая передовая в мире, она черпает силу в борьбе со всем реакционным и устаревшим, она не терпит никаких компромиссов с какими бы то ни было отсталыми теориями. Всегда помнить об этом, применять это в своей научной деятельности — обязательно для каждого советского ученого.

М. Кузнецов и И. Дмитраков

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ

Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР, Материалы и исследования по археологии СССР, № 6. Этногенез восточных славян, т. I, под ред. проф. М. И. Артамонова, М.—Л., 1941.

Вопросы славянского этногенеза вообще и происхождения восточных славян в особенности, издавна занимали русских ученых. Однако в последние полтора-два десятилетия они приобрели особую научную актуальность и политическую остроту. Это связано, прежде всего, с укреплением Советского Союза, с его все возрастающей ролью как мирового центра прогрессивных сил человечества и с все более крепящимися связями славянских народов между собой. Теория автохтонного происхождения восточных славян на востоке Европы в результате скрещения различных этнических элементов противопоставляется советскими учеными человеконенавистнической расовой теории, с особенным рвением развивавшейся немецкими идеологами фашизма и не утратившей в какой-то мере и сейчас популярности среди реакционных идеологов империалистических стран.

Советская археология сделала для изучения вопросов славянского этногенеза очень много. Некоторые итоги произведенных работ изложены в рецензируемом сборнике, сигнальный экземпляр которого вышел в дни Великой отечественной войны в осажденном врагами Ленинграде. Сборник имеет своей задачей «опубликование и исследование в связи с проблемой происхождения восточных славян накопленных научных археологических материалов — этих наиболее беспристрастных и объективных свидетельств далекого прошлого, до сих пор вследствие разных причин не пользовавшихся в кругу историков признанием в качестве полноценного исторического источника» (стр. 7).

Ведущей работой, открывающей сборник, является статья П. Н. Третьякова «Северные восточнославянские племена», в которой на основе предыдущих исследований и материалов, добытых автором, дана яркая картина образования славянских